

РОМАНИЯ: ХРОНОТОП И ПРОЯВЛЕНИЕ В МИРЕ

В. А. Салеев

*Институт философии Национальной Академии наук,
ул. Сурганова, 1, корпус 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь, vasaleyev@yandex.by*

В работе исследуется термин «Романия» в его историческом и современном контекстах. Рассматриваются распространение романских языков в Европе и в мире, а также соотношение понятий «язык» и «диалект» в романском ареале. Определяется влияние культуры романских народов на менталитет и культуру других стран.

Ключевые слова: Романия; романские языки; язык; диалект; менталитет; культура; языковые контакты; влияние романских культур; национальные личности; языковой и культурный факторы; романизация в современном мире.

ROMANIA: CHRONOTOPE AND MANIFESTATION IN THE WORLD

V. A. Saleyev

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences,
Surganova str., 1, build. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus, vasaleyev@yandex.by*

The paper examines the term "Romania" in its historical and modern contexts. The distribution of Romance languages in Europe and the world, as well as the relationship between the concepts of "language" and "dialect" in the Romance area have been considered. The influence of the culture of the Romanesque people on the mentality and culture of other countries in Europe and the world has been determined.

Key words: Romance; Romance languages; language and dialect; mentality; culture; language contacts; influence of Romance cultures; national personalities; linguistic and cultural factors; Romanization in the modern world.

Термин «Романия» сам по себе многозначен. В традиционном смысле им обозначались территории, так или иначе включённые в границы Римской империи и находившиеся в зоне влияния латинского языка. Причём лингвистическая составляющая в структуре данного понятия постепенно начинает играть доминирующую роль: в современной интерпретации это прежде всего ареал распространения романских языков и культур романских народов в мире.

Кроме того, этот термин употребляется «... в лингвистической литературе в сопровождении двух антонимичных прилагательных Старая и Новая Романия. В этом случае противопоставляются два территориальных понятия: Старая Романия – это те государства Европы, где сейчас говорят на романских языках, а некогда говорили на латинском языке; Новая Романия – области распространения романских языков за

пределами Европы. Термин «Новая Романия» используется иногда и для обозначения современного романского языкового ареала в его совокупности...» [1, с. 9].

В последнем случае речь идет о противопоставлении древней Романии и современной Романии. Разумеется, лингвистическая сторона играет в такой дифференциации весьма важную роль. Хотелось бы расширить взгляд на генезис и развитие романских народов (этносов), при этом учитывая не только языковые особенности каждого из них, но и культурные, философско-психологические отличия (национальное самосознание, национальный характер, национальную ментальность).

Однако, возвращаясь к проблеме определения термина, отметим, что мы будем иметь в виду сложившиеся европейские нации, принимая во внимание распространение романских языков в мире, их статус в начале XXI века.

Следует учитывать и трудности, связанные с соотношением понятий «язык» и «диалект». Даже к концу XX века в романских языках данная проблема актуальна и труднопреодолима (особенно это касается Италии). Впрочем, все романские этносы имеют определенное количество разновидностей романской речи. Отнесение тех или иных говоров к понятию «язык» (как и к понятию «диалект») представляет собой задачу повышенной сложности.

Ясно, что из числа романских языков исключается исчезнувший далматинский язык, носители которого жили на территории Югославии. Каждый из романских языков (учитываются только европейские государства и нации) насчитывает определённое количество признанных диалектов.

У подготовленного читателя не вызывает удивления количество диалектов в Италии. Глобальное историческое противостояние Севера и Юга и довольно позднее создание суверенного итальянского государства обусловили существование пяти северных (от пьемонтского до венецианского) и пяти южных (от неаполитанского до сицилийского) диалектов. Даже центр Италии характеризуется наличием трех ярких диалектов: умбрского, римского и тосканского [1]. Последний является основой литературного итальянского языка. Язык жителей Сардинии вообще признан самостоятельным языком.

Во Франции также имеются диалекты. Исторически в этой стране существовало два ведущих языка: язык центральной области Иль- де- Франс и окситанский (провансальский) язык юга Франции с диалектами, наиболее известным из которых является гасконский [1].

Язык Иль-де-Франс представлял собой основу для формирования государственного французского языка.

Наряду с кастильским, являющимся национальным языком, в Испании существуют каталанский язык, язык басков и галисийский язык, а также ряд диалектов на севере (арагонский) и на юге (андалусийский) [1].

Румынский язык также имеет свои разновидности. Молдавский язык близкородствен румынскому языку. Самостоятельных языков в этом пространстве Восточной Европы не наблюдается. Альпийские говоры Швейцарии формируют ретороманский язык.

Нас волнует не столько существование многочисленных вариантов романской речи, но, главным образом, распространение романских языков в мире и их роль во взаимодействии культур романских народов с культурами стран, где духовные свойства Романии проявляются в течение определенных исторических этапов.

Что касается исторической ретроспективы, то она, вероятнее всего, должна исчисляться с эпохи Возрождения. Именно в этот переходный период совершались Великие географические открытия. Наиболее значимыми активаторами этого процесса выступили Испания и Португалия (эпоха Кука и английского влияния настала намного позже), поэтому на территориях Нового Света испанский язык постепенно занял доминирующее положение и, в результате, стал официальным языком. В этот период происходило формирование национального самосознания и национального менталитета этноса.

Длительное время в Европе в качестве языка науки, религии и искусства (вспомним великое творение Н. Гусовского «Песня про зубра», а также поэзию Я. Вислицкого) был распространён латинский язык. К XVIII веку Франция становится определяющим культурным форпостом в Европе, Париж провозглашается центром культуры. Во многом это было связано с доминированием классицизма в искусстве, основным источником которого с XVII века была Франция. В эпоху Просвещения Франция приобрела статус интеллектуального центра Европы, главным образом, благодаря знаменитым философам Вольтеру, Д. Дидро, Ж. - Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.

Естественно, что вслед за французским языком в европейские страны приходит и французская культура. Порой представители местной аристократии преуспевали больше в усвоении ценностей французской культуры, чем в знании собственной культуры. Так, известно, что не все воспитанники Царскосельского лицея говорили по-русски. Знаменитая Уршуля Радзивилл почти половину своих пьес написала на французском языке. Многие страницы романа-эпопеи «Война и мир» написаны

Л. Н. Толстым на французском языке, что наглядно демонстрирует ситуацию в высшем русском обществе.

Однако проблема восприятия «другого» языка тем или иным этносоциальным организмом выходит далеко за пределы исключительно языкового общения. Речь может идти о взаимоотношениях национальных культур, которые отличаются друг от друга. «Культуры – утверждает И. Ким, – разнятся в мировоззрении, верованиях, ценностях, нормах и других вещах, так же, как и в моделях коммуникации. Особенно ярко культуры отличаются в языке и невербальном поведении, в манерах двигаться, сидеть, стоять, жестикулировать, принимать позы, в физической экспрессии, в способах обращения со временем, пространством и материальными вещами» [2, с. 75].

Разумеется, и национальный язык, выросший из культуры собственного этноса, навсегда сопряжён с собственной культурой и рисует картину мира, исходя из своих этноспецифических особенностей (и возможностей).

Общая культурно-языковая картина мира всегда по-особенному преломляется в сознании личности, принадлежащей к определенному этносу. Иными словами, национальная принадлежность представляет собой сложную систему, в которой доминирующее положение занимает духовная сфера, в которую входят и язык, и национальное самосознание, и национальный менталитет. Конечно же, в этой системе чрезвычайно важной оказывается аксиологическая составляющая, то есть ценности (и на их основе ценностные ориентации), мировоззрение и мирозерцание, стереотипы, закрепившиеся в психике представителей этносов, оценки тех или иных явлений, поведенческой деятельности носителей как собственной, так и иноязычной культуры.

Так, соотношение русской и французской культур начала XIX века характеризуется формированием национальных личностей в классическом измерении. Французская национальная личность отличается достаточным рационализмом, вежливостью, галантностью, куртуазностью, вкусом и тактом. Большинство из этих качеств остаются актуальными и в современной Франции [3]. Но все эти ценностные характеристики, с восторгом принимаемые русским общественным мнением в конце XVIII – начале XIX века, подвергаются сомнению и критике во второй половине XIX века. Именно в это время начинает формироваться русское национальное самосознание, идентифицируется отношение к себе и миру, понимание национальных духовных ценностей,

в частности, осознание глубины жизни (её содержательности в противовес форме).

Именно так трактует основной конфликт между русскими и французами Алексей Иванович, главный герой известного романа Ф. М. Достоевского «Игрок». Магистральная идея произведения как раз заключается в противопоставлении «русские vs европейцы». Действие происходит на заграничном курорте. Перед читателем проходит множество разнообразных лиц (немцы, поляки, французы, англичанин Астлей), которые играют в рулетку. То, что русское видение мира противостоит европейскому, мы узнаём в самом начале романа, когда герой в беседе с генералом отказывается поклоняться золотому тельцу (немецкому способу накопления богатств): «... когда целое поколение людей тратит все силы ради приобретения богатства, а в это время их дети стареют, сохнут, многие не доживают до завершения этого двухсотлетнего преемственного труда» [4, с. 348–349]. Главный герой романа выражает свое противодействие, заявляя, что будет «дебоширить по-русски или разживаться на рулетке» [там же]. Особенно критически Алексей Иванович относится к французам именно потому, что французская манера поведения чуть ли не столетие считалась в российском обществе эталоном. Особенно неприятие вызывает у главного героя маркиз де Грие, которого он считает проклятием генеральского семейства: «Де Грие из сердитого лица сделал улыбающееся той скверною официально-учтивою французскою улыбкой, которую я так ненавижу» [4, с. 399]. Наш герой принципиально не принимает французскую манеру поведения, его умозаключения касаются, главным образом, сущностной глубины различий между содержанием и формой: «Француз – это законченная красивая форма... Самый пошлейший французишка может иметь манеры, приемы, выражения и даже мысли вполне изящной формы, не участвуя в этой форме ни своею инициативою, ни душою, ни сердцем; все это досталось ему по наследству. Сами собою, они могут быть пустее пустейшего и подлее подлейшего» [4, с. 455–456].

Особенно возмущает Алексея Ивановича тот факт, что благодаря наличию «изящной формы» де Грие пользуется несомненным успехом у русских барышень, поскольку «барышня принимает эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наследству» [4, с. 455–456].

Таким образом, именно «легкость, изящность, галантное общение с женским полом» ценились в русском обществе. Следует отметить, что отличия французского и русского мировоззрений таятся в национальном

характере и национальном менталитете представителей указанных этносов. «Русская душа ушиблена ширью», – утверждал один из самых значительных российских философов XX века Николай Бердяев. Этот максимализм лежит в основе поведения русской, в том числе и лингвистической (по В. В. Воробьеву), личности. Другие исследователи также подтверждают взгляд Ф. М. Достоевского на русскую душу. Так, В. Желвис, выводя на первый план «страдающую русскую душу», утверждает, что «русский взгляд на жизнь можно выразить с помощью трёх основных понятий: «душа», «тоска», «судьба»: «...душа – это некая нематериальная субстанция, понятие о которой неразрывно связано с православием. Душа – жизненная сила каждого живого существа. Тоска – это смесь апатии, мучения, меланхолии и скуки... Судьба – это эклектическая смесь фатума, удела, доли, жребия и предназначения» [5, с. 13].

Романия повлияла и на культурную идентичность стран Южной и Центральной Америки. Там наблюдались те же тенденции, что и в ситуации англоязычного влияния по всему миру. Однако здесь имелись и некоторые особенности: «То, что страны Латинской Америки и некоторые области Канады стали романскими по языку и культуре, лишь отчасти объясняется романизацией, то есть постепенным приобщением к языку и культуре завоевателей, местного индейского (в Канаде также эскимосского) населения и завезенного из Африки негритянского населения, основными же носителями романских языков и романской культуры были здесь прежде всего сами испанцы, португальцы, французы» [1, с. 69]. Обозначенное положение, на наш взгляд, требует коррекции. Разумеется, истинными носителями национального языка всегда являются представители этноса, в недрах которого и сформирован данный язык. Однако язык, помещенный в иную культурно-лингвистическую ситуацию, сам имеет тенденцию к изменению.

Возникает вопрос: детерминируется ли романизация в первую очередь характером взаимоотношений конкретного романского языка с местными языками? Чаще всего (особенно если местный язык достаточно укоренен среди автохтонного населения) появляется некий койне (по-белорусски – «трасянка»), содержащий в себе, кроме основной лексики романского языка, еще и лексику местного языка. Согласно мнению некоторых лингвистов, так образуется кодialeкт.

Так, Бразилия ощутила на себе результаты португальской колонизации, и с 1536 года «...начинается история бразильского кодialeкта португальского языка. На данном этапе истории Бразилии появляется *Lingua Geral* – некий койне, имеющий в основе субстратный

язык тупи-гуарани (носители – представители местных племен), включающий примеси португальской лексики. Проанализировав состав заимствованной лексики, можно легко прийти к выводу, что в основном в португальский язык влились слова, обозначающие название местности, животных, некоторых природных явлений, самоназвание племен, населявших территорию Бразилии, название фруктов и растений» [6, с. 141].

На наш взгляд, данные выводы представляются несколько спорными. Бразильцы разговаривают не на диалекте, они пользуются португальским языком. Но это бразильский вариант португальского языка, относящийся к романскому языковому миру.

Аналогичным образом выглядит языковая и культурная ситуация в многочисленных странах Южной Америки. Там испанский язык вступает во взаимоотношения с местными языками. В некоторых из них, например, в Перу, официальными языками признаны испанский язык и индийский язык кечуа. В Парагвае распространён индийский язык гуарани, хотя он и не является государственным языком. Все это показывает, насколько сложна ситуация, когда автохтонное население какой-либо территории начинает пользоваться иноземным языком.

В Испании испанский язык также пережил ряд пертурбаций: «В XV веке, когда Изабелла Кастильская вышла замуж за Фердинанда Арагонского, и в стране установилось некое подобие порядка и единства, «кастельяно», то есть язык, на котором разговаривала Изабелла, стал основным средством общения. Со временем, однако, различные области Испании стали тяготеть к независимости и потому перешли на свои собственные языки» [7, с. 7]. Сегодня в регионах Испании, где проявляются тенденции к сепаратизму (особенно в Стране Басков и Каталонии, стремящихся к независимости от официального Мадрида), используются баскский и каталонский языки.

Тем не менее в мире не менее 250 миллионов людей говорит на национальном варианте (как принято говорить у лингвистов) испанского (кастильского) языка. Будучи южным народом, испанцы очень близки к южноамериканцам, хотя черты их национального характера (гордость, особое понятие чести, индивидуализм, свободолюбие, стремление красиво прожить жизнь) могут существенно отличаться от особенностей характера жителей стран, которые говорят на испанском языке. Самое важное заключается в том, что в середине XX века испанский язык стал ведущим романским языком, поскольку этот язык был признан одним из

официальных рабочих языков ООН. С французским языком дело обстоит несколько иначе. Будучи также одним из официальных рабочих языков ООН, этот язык признается рабочим языком рядом международных организаций, например, Международного Олимпийского комитета, ЮНЕСКО. На французском языке говорит около 100 миллионов человек в мире.

Число говорящих на португальском языке приближается к 200 миллионам человек, поскольку население Бразилии непрерывно увеличивается. Свыше 70 миллионов человек по всему миру пользуется итальянским языком.

Отметим, что ведущие романские языки (и даже ретороманский язык, едва насчитывающий полмиллиона носителей) входят в особую сферу (область) духовного самопроявления человечества. На наш взгляд, термин «Романия» полностью не синонимичен термину «романский языковой ареал», поскольку последний сегодня обозначает область распространения романских языков. Думается, что всегда следует учитывать влияние латинского языка, который хоть и употребляется в реальности в настоящее время, но присутствует в культуре, в медицине, в ботанике и, разумеется, в архивных письменных материалах. Подчеркнем, что речь идёт о культуре, в том числе народов не романского происхождения, в жизнедеятельности которых благодаря воздействию романского языка осуществляется формирование явлений культуры, обнаруживающих явную связь с романской культурой. В этом плане полностью реализуется на практике концепция В. Гумбольдта о глубинной связи языка и культуры. В данном случае, по мнению В. Н. Телия, сочетаются «культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке на фоне живых коммуникативных процессов» [8, с. 52].

Иными словами, языковое пространство соединяется с пространством культуры (включая этнопсихологические особенности народов, мировосприятие и мировоззрение представителей данного этноса), становясь важнейшей и неизменной субстанцией национальной культуры, органичной ее частью. Все сказанное в определяющей степени относится к древней и к современной Романии. Хотя в конце XX – начале XXI века на доминирующую роль претендует англосаксонское сообщество, Романия остается одним из могучих факторов развития духовности, без которого принципиально невозможно себе представить существование общечеловеческих ценностей.

Библиографические ссылки

1. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: учебник. М. : «Высшая школа», 1982.
2. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н/Д : Феникс, 2007.
3. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: монография. М. : РУДН, 2008.
4. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. Игрок. Записки из подполья. М. : «Правда», 1985.
5. Жильвис В. Эти странные русские. М. : Эгмонт Россия Лтд, 2002.
6. Мохов Н. А. Влияние различных языков на кодидиалект португальского языка // Философия и наука в культурах Запада и Востока: сб. науч. ст. по материалам II Всероссийской науч. конф., Томск, 6–7 июня 2018 г. / отв. ред. Е. В. Тихонова. Томск : Изд. ТГУ, 2018.
7. Лоней Д. Эти странные Испанцы. М. : Эгмонт Россия Лтд, 1999.
8. Ковшова М. М., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.